

Aleksandr Šunkov

Avtorskoe slovo v Russkoj èpistolografii 2-j poloviny XVII veka : (na materiale semejnoj perepiski carâ Alekseâ Mihajloviča)

Acta Neophilologica 12, 181-191

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Александр Шунков

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

АВТОРСКОЕ СЛОВО В РУССКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ 2-Й ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА)

Key words: genre's problem, literary work of Alexei Mikhailovich, the tsar

Жанр послания в истории древнерусской литературы по праву считается одним из интересных для изучения.

Во все времена эпистолярный жанр стоял на рубеже между литературой и бытом. Во все времена существовала как сугубо частная переписка, так и переписка, изначально имевшая значение культурного факта для своей эпохи¹.

Исследователи жанра не раз отмечали преемственность древнерусской литературы традициям византийской книжности, благодаря которой были перенесены большинство литературных жанров. Однако на русской почве в XII–XIII вв. дружеское послание, как отмечает Н.В. Понырко, не получило распространения, основной тип письма – поучение. „Дружеское” послание с его четким набором жанровых признаков, с обязательной заботой о „хорошем” стиле и „хорошем” тоне как свидетельство литературной рафинированности автора появится на Руси в XV–XVI вв. и особо получит распространение в XVII в.

„Дружеское” послание занимает одно из ведущих мест в литературном творчестве царя Алексея Михайловича. Стремление следовать византийским образцам дружеской эпистолографии, с соблюдением всех нюансов жанровой формы, свойственно посланиям монарха. Царь активно вводит в свою переписку эпистолярные приемы, словесные клише, использовавшиеся в переписке Максима Грека, Ивана Грозного. Так, например, сохранение византийской

¹ Н.В. Понырко, *Эпистолярное наследие Древней Руси*, Санкт-Петербург, Наука 1992, с. 3.

эпистолярной традиции уже заметно в первой композиционной части послания – инскрипте. Согласно канону, письмо должно было вначале указать имя составителя (отправителя), а затем адресата. В результате устанавливался прямой порядок слов. Нарушения эпистолярного формуляра в инскрипте (адресат – отправитель) не допускалось, в противном случае подобное послание расценивалось как „варварское”.

Почти все письма Алексея Михайловича, адресованные близким (А.И. Матюшкину, Н.И. Одоевскому, П.С. Хомякову, А.С. Матвееву и другим лицам), соблюдают жанровое требование: начинаются этикетной фразой с сохранением в ней прямого порядка слов: „*От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси*”. Однако примечательно то, что в письмах, адресованных членам своей семьи, это правило нарушается. Из 69 посланий, опубликованных С.А. Белокуровым² в большинстве из них в инскрипте применяется обратный порядок слов. Здесь мы наблюдаем явный отказ от установленной эпистолярной традиции, которая, без сомнения, хорошо была известна царю, так как во всех других посланиях, выходящих за рамки семейной переписки, автор требование жанра строго соблюдает.

Сохранение эпистолярной традиции заметно и в другой композиционной части „дружеского” послания – прескрипте (собственно первые фразы, начинающие письмо), содержащем в себе обращение к адресату. Это должны были быть фразы, заимствованные из придворного церемониала, т.е. сами по себе уже устойчивые и неменяющиеся, содержащие приветствия и пожелания здоровья адресату. Написание и получение подобных писем являлось продолжением дворцового этикета, но уже в сфере литературы: „*От нас великого государя милостивое слово*”, „*стольнику нашему по здороволь*”, „*о Господи радоватися*”, „*поздорово ли ты, верный наш раб*”, „*милость Божия учинилась к тебе*” и др.

Получение письма от царя (независимо от его гневного или благожелательного содержания, тем более, если письмо написано им собственноручно) расценивалось как великая милость. Пониманию причины такого отношения к „чернениям государевым” способствует концепция идеологии абсолютной монархии, формирующаяся и утверждающаяся в эпоху Алексея Михайловича, когда царь мыслился помазанником Божиим, непосредственным проводником Его воли на земле. Характерно, что и сам царь в этом был убежден, о чем он неоднократно рассуждал в своих посланиях.

Словесные формулы, аналогичные тем, которые нами были приведены выше, обнаруживаются и в семейной переписке. „*Радуйтесь и веселитесь и уповайте крепко на Господа! Той да соблюдет, Той да укрепит вас в молитве и в посте*”, „*о Боже радоватися*”, „*здравствуйте, светы мои на многия лета!*”. Все примеры начальных фраз писем царя не являются индивидуально-

² *Письма русских государей и других особ царского семейства. Письма царя Алексея Михайловича*, под ред. С.А. Белокурова, Москва 1896, т. 5.

-авторскими стилистическими приемами – перед нами устойчивые словесные формулы, свойственные эпистолярному жанру.

Центральная композиционная часть повествования – семантема в отличие от прескрипта и клаузулы не предъявляла к составителю послания жестких требований, хотя и располагала набором определенных этикетных формул в раскрытии темы. Алексей Михайлович и в этой части писем последователен в использовании традиционных приемов эпистографии. Канонами эпистолярного жанра допускалось введение в текст послания цитат из христианской книжности, использовавшихся в качестве иллюстративного доказательства своих мыслей, одновременно служивших примером или поучением для адресата. Многие письма царя содержат подчас обширный пласт цитат из книжных источников, которыми автор пояснял свою мысль. Очень часто послания царя снабжены несколькими источниками, на которые Алексей Михайлович опирался при написании текста – это книги Ветхого и Нового Заветов, агиографическая литература. Одним из самых любимых царем писателей, к которому он часто обращался, был Иоанн Златоуст.

Так, например, в послании к князю Н.И. Одоевскому, написанном по случаю смерти его сына Михаила, царь приводит значительное количество примеров, почерпнутых им из духовной литературы, пытаясь тем самым провести аналогию между судьбою сына Одоевского и событиями из жизни героев цитируемых им произведений: „*И воспомяни Златоуста...*”, „*воспомяни Варлаама чудотворца, как Новгородца единого избавил от смерти, а другого не избавил...*”, „*воспомяни преподобных отец жития...*”³. Все письмо в результате построено на приемах символического параллелизма, который позволяет убедиться в книжной образованности Алексея Михайловича как писателя. Символический параллелизм предоставил автору письма возможность расширить рамки своего повествования, выйти за пределы реального события. Так, утрата Одоевским сына сопоставляется с несчастьями и страданиями, выпавшими на судьбу библейского Иова: „*И уподобится б тебе Иеву праведному. Тот от врага нашего общаго диавола пострадал, сколько на него напастей приходило, не претерпел ли он и одолел он диавола; не опять ли ему дал Бог сыны, дщери? А за что? – за то, что ни во устнах не прегрешил; не оскорбился, что мертвы быша дети ево. А твоего сына Бог взял, а не враг полотою подавил*”⁴.

Приведенный отрывок имеет еще одну важную особенность эпистолярного жанра – это обязательное создание автором ситуации беседы со своим адресатом. „Имитация диалога”⁵ в письме создавалась благодаря использованию в информативной части послания вопросительных конструкций предло-

³ *Собрание писем царя Алексея Михайловича*, под ред. П. Бартенева, Москва 1856, с. 230–231.

⁴ *Записки Отделения Русской и Славянской Археологии*, под ред. В. Ламанского, Санкт-Петербург 1861, т. 2, с. 704.

⁵ В.В. Калугин, *Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя)*, Москва, Языки русской культуры 1998, с. 141.

жений, на которые автор тут же давал ответ. С этой же целью в эпистолярное произведение вводились прямые обращения к адресату, использовались повелительные глагольные синтаксические конструкции, позволявшие создать иллюзию непосредственного общения со своим адресатом.

Следуя традиции жанра, для создания «иллюзии диалога» царь использует в посланиях риторические вопросы, восклицания. К примеру, *„Где детца? Куды бежать? Ково не слушаешь? Перед кем лукавствуешь? Самово Христа... ведаешь ли безконечную муку у него? Кто лестью Его почитает и кто пред государем своим лукавыми делами дни свои провожает и указы премеяет и их не страшится? О Июда законопреступный, что делаешь?“*⁶.

Традиционны в эпистолярном жанре, как и во всей средневековой литературе, этикетные формулы, заверяющие адресата в греховности автора, его недостойном мирском поведении. Нередки также и заявления о своей неучёности, самоуничижение, умаление литературных способностей. Использование же в письме названных трафаретных формул на практике имело обратный результат: свидетельствовало о книжной образованности автора послания, его литературном вкусе. Алексей Михайлович как писатель любил использовать в своих посланиях фразы, наиболее понравившиеся ему, иногда не меняя их. Приведем примеры:

письмо в Саввинский монастырь, 1652 г.:	послание Никону о смерти патриарха Иосифа, 1652 г.:
„Яз грешный, по Божію изволенію и по вашему почитанію, как есть царь, а по своим злым делам, аки пес недостойный Владыки своего создавшего и грешен“ ^а .	„А про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божіи и по вашему святительскому благословенію, как есть истинный царь хрстіянскій наречюся, а по своим злым делам не достоин и во псы, не токмо в цари, да еще и грешен“ ^б .
письмо Ф.Б. Долматову-Карпову, 1656 г.:	письмо к Г.Г. Ромодановскому, 1672 г.:
„Молю же ся вам, не разленяйтесь, ниже унывайте, понеже суд велій бывает на великих. Меншій убо прощен будет и достоин милованію есть. Силніи же крепко истязаны будут, ниже сомнитса лица всех Владыка, ниже срамляется величія. Крепких же и силных крепко истязаніе ждет“ ^в .	„Молю же ся вам, не разленяйтесь, ниже унывайте, понеже суд велій бывает на великих, меншій убо прощен будет и достоин милованію есть. Силніи иж крепко истязаны будут, ниже сомнитса лица всех Владыка, ниже срамляется величія, ... крепких же и силных крепко истязаніе ждет“ ^г .

^а *Записки Отделения Русской...*, с. 696.

^б *Собрание писем царя Алексея Михайловича...*, с. 152.

^в *Записки Отделения Русской...*, с. 748.

^г *Ibidem*, с. 773.

Финальная часть (клаузула), как и прескрипт, должна была завершаться согласно формуляру. Автор мог использовать в качестве заключительных строк фразы с пожеланиями здоровья адресату, „просьбами не забывать автора письма и молиться о нем“⁷. *„А потом челом бью, светом своим, здравс-*

⁶ *Записки Отделения Русской...*, с. 772–773.

⁷ Д.М. Буланин, *Переводы и послания Максима Грека*, Ленинград, Наука 1984, с. 106.

твуйте на многие лета!"; „а тебе от меня: будь здоров"; „да здравствуй"; „да молв ему от меня, штобы молебен у Чюдотворца при тебе за мое здорovie отпел". Хотя в традиции византийской эпистолографии послания и не принято было подписывать своим именем, но ряд писем царя указывают на их непосредственную принадлежность руке монарха⁸. „Писал сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею. Аще и черно писание сие, но мило-сердно и приятно"⁹. В архиве Приказа тайных дел сохранились и такие послания царя, в которых автор просит прощения у своего адресата за то, что письмо написано не его рукою, при этом обязательно указывается и причина этого обстоятельства: „Да не покручинится, государыни мои светы, что не своею рукою писал, – голова тот день болела, а после лехче", „да не покручинится, что не своею рукою писал: ей, недосуги и дела многия"¹⁰.

Таким образом, с формальной стороны, письма царя полностью соответствуют законам эпистолярного жанра, продолжая византийскую традицию.

С точки зрения тем, представленных в посланиях царя, эпистолярное творчество Алексея Михайловича также во многом типично и традиционно. В „дружеском" послании существует несколько типов писем, классифицируемых по тематическому принципу: письмо–визит, письмо–встреча, письмо–жалоба, утешение, подарок, беседа, шутка и др.

Выше мы уже останавливались на фрагментах послания царя к Одоевскому, которое можно отнести к разряду писем–утешений. Такого рода послания, как правило, писались по установившемуся канону, с использованием устойчивых эпистолярных стилистических приемов. Так, например, в своем письме царь щедро расточает похвалы умершему князю Михаилу, сыну Одоевского. Отмечает заслуги покойного, его человеческие качества. Подробно рассказывает адресату о встрече с его сыном в селе Вешнякове: „Дорога мне, всего лутчи их нелицемерная служба, и послушание, и радость их ко мне, что они радовалися мне всем сердцем". На протяжении всего письма царь ободряет князя Одоевского: „А нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, надобно, да в меру, чтоб Бога не прогневать". Заканчивается письмо, как и следует по традиции, заверениями адресата в своей дружбе: „Аще Бог изволит, мы вас не покинем, мы тебя и с детьми и со внучаты по Бозе родителie [...]. Опречь Бога на небеси, а на земли опречь меня, никоу у вас нет; и я рад... вас жаловать, толко ты, князь Никита, помни Божю милость, а наше жалование"¹¹.

Широко известно другое послание из разряда утешений – это послание к А.Л. Ордин-Нащокину, написанное Алексеем Михайловичем по поводу бегства сына Нащокина Воина в 1660 году в Польшу. А.Л. Ордин-Нащокин,

⁸ Письма русских государей..., с. 3, 8, 10, 11, 40.

⁹ Российский Государственный Архив Древних Актов (г. Москва) [дали: РГАДА]. Ф. 27. Оп. 1. № 305. Л. 28.

¹⁰ Письма русских государей..., с. 3, 8.

¹¹ Записки Отделения Русской..., с. 703–705.

опасаясь обвинений в пособничестве своему сыну, просил царя об отставке, однако царь отклонил прошение Нащокина, объяснив причины отказа в утешительном послании. С точки зрения царя, горе, постигшее семью Нащокина, намного страшнее, чем смерть: *„О злое насилие от темного зверя”, „и Мы, Великий Государь, и сами по тебе... поскорбели приключившейся ради на тя сея горькия болезни и злого оружия, прошедшего душу и тело твое», «воистинно зело велик и неутешим плач»¹².*

В послании автор использует все известные приемы, предусмотренные канонами эпистолярного жанра. Алексей Михайлович последователен в выборе хвалебных эпитетов в адрес князя, его супруги. Уверяет Нащокина в том, что свой поступок сын совершил не по злой воле, а необдуманно, о чем вскоре будет сожалеть и раскаиваться: *„Сын твой слутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хочет создания и владычня и творения руку его видеть на сем свете, яко же птица летает сема и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, и к вам возвратится”.*

Используется в описании Воина и характеристике его поступка и библейская символика как один из приемов эпистолярного жанра: *„И мню, что и от всех сил бесовских, ишедшу сему злomu вихру и смятоша воздух аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего доброго агнца яростным и смрадным своим дуновением от тебе, от отца и пастыря своего”.* В целом же послание выдержано в традиции торжественного красноречия.

Послание царя при всем своем книжном характере вместе с тем психологично. За каждым устойчивым эпистолярным приемом видна личность автора с его волнением, переживанием, сочувствием, искренней заботой о человеке. Эта сторона писем царя наиболее заметна в семейной переписке: *„Да пишете, светы мои, ко мне про свое здоровье почаству”¹³, „да для Христа, государыни мои, оберегайтесь от заморнова ото всякой вещи; не презрите прошения нашего”¹⁴* и др. В традиции „дружеской” переписки очень часто послание играло роль непосредственной встречи с его автором, выступало как письмо-подарок: *„А яицом вашим зело обрадовался и целоваль с радостными слезами вместо самих вас”¹⁵.*

В „дружеском” эпистолярном наследии царя не менее интересны письма-жалобы. Так, в послании к кн. А.Н. Трубецкому царь, находясь в Польском походе, описывает свое полное одиночество в окружении лицемерных бояр. Жалуется на свое положение, сам ищет у своего адресата слов утешения и поддержки: *„А у нас едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть оболока, овогда благопотребным воздухом и благонадежным*

¹² С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, в 15 кн., Москва, Изд-во социал.-эконом. лит. 1961, Кн. VI, с. 71–73.

¹³ *Письма русских государей...*, с. 5.

¹⁴ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 91/1. Л. 12.

¹⁵ *Письма русских государей...*, с. 30.

и уповательным явятся, овогда же зноем и яростью и ненастьем, всяким злохитренным обычаем Московским явятся, овогда злым отчаянием и погубелью прорицают, овогда тихостью и бледостью лица своего отходят лукавым сердцем. Малое что в путь идет, а то всегда на гогульную статью: все в рознь, а сверх того сами знаете обычи их¹⁶. В приведенном фрагменте нельзя не заметить усиление литературного начала, использование развернутой метафоры при описании собирательного образа бояр.

Но, пожалуй, одной из самых интересных разновидностей „дружеского” послания, присутствующей в эпистолярном творчестве царя, можно назвать письмо-шутку „Челобитная, заручная именем государя и его государевых полчан, о звании бояр на Озерецкого медведя”¹⁷. Необычность послания, его литературный характер проявляются в том, что автором за основу взята документальная жанровая форма – челобитная. Письмо начинается этикетной словесной конструкцией, предусмотренной формуляром челобитной. „Бояром нашим и околничим и кравчему с путем [далее следует список бояр, всего 12 человек – А. Ш.] бьет челом и просит государь ваш, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси”. Следуя требованиям формуляра, его основной части, царь излагает суть своей челобитной: смиренно просит бояр не отказать в просьбе и дать согласие участвовать в медвежьей охоте: „Пожалуйте поступитесь, о чем я у вас с своими полчаны прошу”. Сама просьба составлена достаточно хитро: так, что отказаться в охоте просто не представляется возможным. Царь каждому из бояр напоминает о его просьбе, с которой тот когда-то обращался к царю и которую он выполнил: „А я всем вам поступался, кто о чем бил челом. И вы помянутите все скорую милость к себе, а поступитесь мне и полчаном моим, о чем у вас просим”.

Заканчивается послание следующими строками: „А я, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, полчане желаем всем душевного спасения и телесного здравия во веки. Аминь”. В итоге произошло совмещение в письме царя элементов послания и челобитной. Налицо авторский прием, в результате использования которого происходит пародирование жанровой формы, явление, затронувшее все стороны литературного процесса 2-й половины XVII века. Само существование памятника, связанного с именем царя, заставляет сделать заключение о масштабах процесса в литературе, его массовом характере, затронувшем не только демократические слои общества, но и его аристократическую, придворную часть.

Авторский смех, юмор присутствуют и в других посланиях царя, чаще всего адресованных своим родственникам. „А у нас Христос воскрес. А у вас воистинно ли воскрес?” (письмо от 15 апреля 1655 г.)¹⁸, „а у нас Христос воскрес в Смоленске” (письмо от 20 апреля 1655 г.)¹⁹.

¹⁶ Записки Отделения Русской..., с. 716.

¹⁷ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 53.

¹⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 91/1. Л. 10.

¹⁹ Письма русских государей..., с. 24–25.

В одном из писем своему ближайшему другу А.И. Матюшкину²⁰ царь рассказывает о забавах, участии в них стольников. С формальной стороны, послание полностью соответствует всем требованиям эпистолярного жанра – как композиционным, так и стилистическим. Но нам письмо представляется интересным своей содержательной стороной. В послании царя нельзя не заметить дважды описываемых ситуаций игры и вовлечения в нее своих близких.

В самом начале письма Алексей Михайлович обращается с просьбой к Матюшкину, чтобы тот навестил сестер царя. При этом сам визит должен носить характер розыгрыша: „*Нарядись в ездовое платье да съезди к сестрам, будто ты от меня приехал, да спросай о здоровье*”. В последующей части письма царь, продолжая тему игры, описывает потехи, устраиваемые им. „*Да извецаю тебе, што тем и теишуся, што столников безпрестани купаю ежеутре в пруде: Иордань хорошия зделана, человек по (четыре) и по (пяти) и по (двенадцати) человек, за то, кто не поспеет к моему смотру, так тово и купаю; да после купанья жалую я, зову их к столу*”²¹.

В свое время, комментируя письмо в *Истории России...*, С.М. Соловьев не увидел авторского смеха, юмора в описании житейского, бытового эпизода. Историк довольно строго подошел в своей оценке к личности царя Алексея Михайловича, отметив в царской потехе „патриархальные отношения... без прикрас, во всем своем непригожестве”²². Однако послание абсолютно лишено той негативной, грубой стороны веселия – невежества, так часто присутствовавшей как у царственных предшественников²³. Алексея Михай-

²⁰ И.Е. Забелин, *op. cit.*, с. 237.

²¹ И.Е. Забелин, *Царь Алексей Михайлович*, в: *Опыты изучения русских древностей и истории*, Москва 1872, ч. 1, с. 228. Письмо не имеет датировки. И.Е. Забелин отнес его к июню 1653 г.: „Письмо царя А.И. Матюшкину, в котором он говорит о своем потешении и в котором не обозначено времени, когда оно написано, должно относиться к 1653 г. В июне этого года царь делал церемониальные смотры стольникам, стряпчим и вообще своему двору со всею службою на Девичьем поле, под Девичьим монастырем. Смотры эти начались 13 июня, в понедельник”.

²² С.М. Соловьев, *op. cit.*, с. 615. Очевидно, историк принял позицию П. Бартенева и П. Бессонова, которые время проведения потехи царя ошибочно отнесли к зимнему периоду и приурочили ко дню Богоявления Господня: „Простолюдины и доселе иногда в жестокие морозы [курсив наш – А. Ш.] купаются в Иордани (т. е. проруби)” (*Собрание писем царя Алексея Михайловича*, с. 79). В свое время И.Е. Забелин подверг критике и опроверг выводы издателей, точно установив по архивным сведениям время (13 июня 1653 г.) проведения потехи, описание которой приводится в письме царя: „Потехи царя Алексея Михайловича хотя и носили дань веку, но никогда не выходили из границ благодушия; недаром же его называли милосердным” (И. Е. Забелин, *Опыты изучения русских древностей...*, с. 236). На сегодняшний день с датировкой письма, предложенной С.М. Соловьевым, согласна О.А. Белоброва: „Письмо описывает царскую забаву на Крещение” (О.А. Белоброва, А.И. Матюшкин, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Санкт-Петербург 1993, вып. 3 (XVII), ч. 2, с. 345–346).

²³ А. Гваньини, *Описание Московии*, пер. с лат., введ. ст. и коммент. Г.Г. Моисеевой, Москва 1997, с. 107. А. Гваньини в своих описаниях потех Ивана Грозного, увиденных им, рисует образ монарха и его окружения куда более страшным и темным: „Кто из бояр или дворян на пиру у великого князя шутит более грязно и безобразно, тот считается выдающимся, отличным и красноречивым придворным”.

ловича, так и у его потомков²⁴. Потеха царя доставляет одинаковую долю радости обеим сторонам: и самим участникам, и организатору этого спектакля – царю. Приведенный фрагмент послания дает возможность увидеть и само отношение стольников к царской затее не более как к игре, где каждый соблюдает свои ролевые обязанности. Присутствие же в письме царя столь подробных описаний увеселительных потех делает его уникальным в своем роде, поскольку, с одной стороны, воскрешает быт эпохи Алексея Михайловича, а с другой – позволяет разглядеть в характере царя симпатии к зрелищным представлениям. Подтверждением тому могут служить и другие письма царя к Матюшкину²⁵. Тема розыгрыша, шутки звучит и в других письмах. Неоднократно Алексей Михайлович использует иронию, юмор как средство характеристики своего адресата или того лица, о котором пишет. Например, отправляя одно из посланий Матюшкину, Алексей Михайлович подписывает его следующим образом: „От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси стольнику нашему Афонасью слепому”²⁶. Очевидно, царь здесь намекает на промах, допущенный сокольником во время охоты.

В другом письме, адресованном А.С. Матвееву, царь описывает шведского посланника, используя насмешку: „Посланник приходил... а имя ему Удде Удла, а таков смышлен, и купить ево то дорого дать, что полтина, хотя думной человек. Мы, великий государь, в десеть лет впервые видим такова глупца посланника”²⁷.

Не менее интересно и небезызвестное письмо-акrostих, адресованное А.И. Матюшкину²⁸. „Тарабарское” письмо Алексея Михайловича – заведомая игра, которую ведет автор со своим адресатом, используя тайнопись. Прочсть письмо возможно, лишь зная определенный код. Шуточное послание содержит намек на какую-то кулинарную оплошность Матюшкина,

²⁴ Имеются ввиду шумные застолья и пиры эпохи Петра.

²⁵ РГАДА Ф. 27. Оп. 1. № 51.

²⁶ Ibidem.

²⁷ *Записки Отделения Русской...*, с. 726.

²⁸ *Летопись занятий Археографической комиссии за 1885–1887 гг.*, Санкт-Петербург 1895, вып. 10, отд. 10, с. 38: „Борис, Родион, Андрей, Трофим, ърм. Карп, Андрей, Калист, ърм, Трофим, Енох, Борис, Янос, Недромонт, Енох, Трофим, ърм, Трофим, аз, как, ърм, мой, есть, наш, яз, хер, лой, Енох, бой, он, мой, ърм, зай, зой, аз, кай, аз, луй, он, юс, ир, Ной, аз, каз, он, рюх, ърм, миг, из, Тферь, ърм, наш, Енох, как, ох, мурашка, ух. А потом будь здрав”. Из начальных букв слов составляется следующая фраза: „Брат! Как тебя нет, так меня хлебом з закалою [‘сырое, плохо пропеченное место в хлебе’ – А. Ш.] и накормить некому”. Письмо публиковалось не раз, что свидетельствует об интересе исследователей к столь необычному эпистолярному сочинению Алексея Михайловича. Впервые письмо было опубликовано в Летописи занятий Археографической комиссии (ЛЗАК) за 1885–1887 гг. (Санкт-Петербург 1895, вып. 10, отд. II, с. 38). Однако русской науке оно известно намного ранее его первой публикации. В предисловии к *Собранию писем царя Алексея Михайловича* (1856) П. Бартнев, не приводя его в своем издании, упоминает о нем и дает пересказ содержания письма. В 1898 г. письмо публикуется фототипическим способом Н. Кутеповым во 2-м томе *Царской охоты на Руси...* (см. Н. Кутепов, *Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича*, Санкт-Петербург 1898, т. 2, с. 104). В XX веке А.М. Панченко опубликовал письмо в своей монографии (см. А.М. Панченко, *Русская стихотворная культура XVII века*, Ленинград 1973, с. 68–69).

известную только двум свидетелям случившегося когда-то события. Царь пишет письмо, по всей видимости, с единственной целью, чтобы посмеяться, подшутить над своим родственником.

В эпистолярном наследии царя часто встречаются фрагменты писем, представляющие собой ритмизованное повествование. Однако видеть в них образцы силлабической поэзии, вирши, как считал С.М. Соловьев в случае с известным посланием царя к Г.Г. Ромодановскому²⁹, не совсем правомочно. В подобных случаях мы имеем дело не столько с новаторством царя, сколько опять-таки с его опорой на литературную традицию риторики XVI столетия. Царь большинство своих посланий строит с использованием риторических приемов, придающих тексту ритмическое звучание. Таковыми являются анафоры, глагольные рифмы, тождественные по своему объему синтаксические конструкции предложений, уже знакомые нам многочисленные амплификации, перечисление в длинных рядах варьирующихся традиционных метафор, эпитетов и многое другое. Благодаря всем названным стилистическим приемам послания царя приближены к орнаментальному стилю произведений XIV–XVI вв: *„Писано бо есть: О братіе! добро есть Бога ради послушяніе творити Его с любовію. О послушяніе! Всем верным спасеніе. О послушяніе! царству обретатель. О послушяніе! небес отверженіе, человека от земли вознося. О послушяніе! сожителю ангелом. О послушяніе! всем святым питателю, о тебе бо насладися и тобою совершиися“*³⁰.

Алексей Михайлович вводит в послание анафору. Одновременно с анафорическим элементом используются в этом фрагменте также риторические восклицания, обращения (*о, послушание! о, братие!*). Нельзя не заметить и другой риторический прием, присутствующий в послании, – это различные виды рифм: глагольные и субстантивные (точная рифма: *насладиися – совершиися; спасеніе – отверженіе*; неточная рифма: *обретатель – сожителю – питателю*).

Итак, в ходе нашего рассмотрения жанрового своеобразия „дружеского” послания в литературном творчестве царя Алексея Михайловича были отмечены примеры посланий, которые продолжают традицию эпистолярной культуры Древней Руси, сохраняют в своих общих чертах жанровые особенности. Вместе с тем необходимо отметить другую их важную особенность: письма царя отличает жанровая неустойчивость, стилистическая неоднородность. Благодаря отмеченным особенностям послания царя приобретают черты иных разновидностей эпистолярного жанра, находятся на разных стадиях перехода от разряда документальных к литературным.

²⁹ С.М. Соловьев, *op. cit.*

³⁰ *Записки Отделения Русской...*, с. 697.

Summary

**Author's Word in Russian Epistolary Tradition
of the Second Half of the 17th Century
(on the Materials of the Family Correspondence of the Tsar Alexei Mikhailovich)**

The article is dedicated to the analysis of the author's style of the tsar Alexei Mikhailovich's letters, belonging to the genre of "friendly message". It touches the problem of genre originality of the monarch's works and the interaction of Byzantine tradition with the tradition of the new period in author's epistolary work.